

А. П. Родионова
Петрозаводск

**Семантика послелогов
и послеложных конструкций
в текстах традиционных карельских
эпических песен**

Язык эпоса очень древен, даже если считать, что он сформировался не в третьем тысячелетии до нашей эры, а в первом тысячелетии нашей эры, как полагают исследователи, то и в этом случае он достаточно архаичен [Калевала 1985: 11]. С этой точки зрения языком фольклора заниматься исключительно полезно, так как языки, которые не обладают длительной письменной традицией, могут почерпнуть при наличии сохранившегося фольклора достаточно ценные сведения.

В данной статье мы хотели бы уделить внимание некоторым языковым моментам традиционных карельских эпических песен и, прежде всего, выражению пространства и времени средствами грамматики, а именно: семантике послеложных конструкций. Стоит отметить, что пути образования послелогов в прафинно-угорском языке только намечались: отдельные имена определенной семантики (прежде всего выражающие пространственную ориентацию типа *русск.* низ, верх, бок, сторона, нутро, голова и т. д.) в основной форме или с падежными окончаниями, употребляясь в постпозиции, стали утрачивать свое основное значение, превращаясь в служебное слово — послелог, более того, уже тогда намечался способ образования целых серий послелогов от одного именного корня, снабженного разными падежными формантами [Хайду 1974: 215–216]. Известный уралист П. Хайду отмечал, что в уральском праязыке использовались послелого и служебные слова, что свидетельствовало об «анализме в синтаксисе» праязыка [Хайду 1985: 353]. Что касается карельского языка, то в нем пространственные послелого дополняют падежную систему, а также вносят в язык новые, более конкретные, пространственные значения, которые нельзя выразить падежными формами.

Самыми первичными считаются те послелого, которые выражают основополагающие связи (например, кар. *edeh* «перед», *tuakse* «позади», *riäl* «на», *al* «под, внизу», *ginnal* «рядом, около» и т. д.). Предполагается, что они восходят к существительным, обозначающим части

тела человека, например, *piäl* «над» (ср. кар. *piä* «голова»), *ginnal* «рядом, около» (ср. кар. *gindu*, *ginta* «грудь»), *korval* «около» (ср. кар. *korva*, *korvu* «ух») и т. д. Тем не менее высказывается мысль и о том, что древнейшие слова с местным значением в финно-угорских языках не восходят к названиям частей тела, а их первоначальный смысл был абстрагирован, обозначая лишь некое пространство, например: *ala* < **alak* [SSA I: 66] «нижняя часть, находящийся внизу, нижний и т. д.», *taka* < **taʔak(-)* [SSA III: 257] «задняя часть, находящийся внизу, задний» и т. д., таким образом, предполагают, что семантическое развитие проходило, наоборот, от пространственного значения к обозначению части туловища, ср. **onpa* «передняя часть» развилось в фин. *otsa* «лоб» [Saarinen 2005: 161–172].

Семантика послелого наиболее полно и точно определяется в конструкции, в которую входит послелог. Послелогии карельского языка, например, по их семантике можно разделить на четыре главные группы: 1) послелогии, указывающие на ориентацию в пространстве, 2) послелогии, указывающие на время, 3) послелогии, указывающие на причинно-следственную связь, 4) послелогии, выражающие другие значения. Интересно, что именно вышеназванные семантические группы проявляются и в текстах карельских традиционных эпических песен.

1. Послелогии, указывающие на ориентацию в пространстве

Эта группа послелогов, например, в карельском языке наиболее обширная, и в языке традиционных карельских эпических песен наиболее продуктивна. Кроме того, этим подтверждается мнение языковедов, что именно послелогии, обозначающие ориентацию в пространстве, являются самыми древними из всех послелогов.

Послеложные конструкции, обладающие пространственным значением, отвечают на вопросы: *где, куда, откуда, каким путем, докуда (до какого уровня)* и т. д. Послелог конкретизирует значение конструкции, дополняя его семантику, направленность действия:

1) например, аллативная *alla* (*al*) ‘*под (где?)*’, аблативная *alta* ‘*из-под (откуда?)*’, аллативная *alle* ‘*под (куда?)*’ и т. д. формы. Этимологические данные послелогии образованы от основы *ala-*, обозначающей ‘нижний, находящийся внизу’ [SSA I: 66]:

– *Aivan kirjokannen alta piäsi päivä paistamaha* (Калевальский р-н) ‘*Из-под пестрой его крышки вышло солнце, засияло*’ [КЭП 1950: 40]

– *Koivun alla on ruäsi rakšu* (Калевальский р-н) ‘*Под березой – толстая плита*’ [КЭП 1950: 49]

– Počči-siga virui kynnyksen *alle* (Олонецкий р-н) ‘Свинья лежала под порогом’ [КЭП 1950: 378]

2) инессивная *iessä* (*ies*) ‘*перед (где?)*’, иллативная *eteh* (*edeh*) ‘*перед (куда?)*’ и т. д. формы послелогов. Этимологически данная группа послелогов восходит к древней основе *esi-*, обозначающей ‘перед, передний, находящийся впереди’ [SSA I: 108]:

– Laulamalla lapšen *iešsä* (Калевальский р-н) ‘Убаюкивая ребенка (*перед* ребенком)’ [КЭП 1950: 71]

– Ranou virkun val’l’ahih ruškien rejen *eteh* (Калевальский р-н) ‘Запрягает жеребца в красные сани’ [КЭП 1950: 135]

3) инессивная *piäššä* (*piäs*) ‘*на (где?)*’, аблативная *piältä* (*piälpäi*) ‘*с (откуда?)*’, аллативная *piäle* ‘*на (куда?)*’, иллативная *piähä* (*piäh*) ‘*в (куда?)*’ и т. д. формы послелогов образованы от существительного со значением ‘голова’ (ср. ливв. *piä*, фин. *pää*, вепс. *pä*), у которого предполагаются финно-угорские корни [SKES III: 688–689]:

– Kolme oli neittä niemen *piässä* (Калевальский р-н) ‘Три девицы на конце мыса’ [КЭП 1950: 67]

– Kahekšannen uallon *piältä* nosti jalkova vašenta (Калевальский р-н) ‘С восьмой волны подняла она левую ногу’ [КЭП 1950: 67]

– Šiell’on arkku arkun *piällä* (Калевальский р-н) ‘Там сундук на сундучке’ [КЭП 1950: 37]

– Pöyhkiästä röyvän *peähä* (Калевальский р-н) ‘Важно сел за стол’ [КЭП 1950: 123]

4) транслативная *takuakše* (*tuakše*) ‘*за (куда?)*’, партитивная *takuata* (*tagua*) ‘*за (откуда?)*’, эссивная *tagana* (*tagan*) ‘*за (где?)*’ и т. д. формы послелогов этимологически образованы от основы *taka-* ~ *taa-*, имеющей первоначальное значение ‘находящийся сзади, за, задний’ [SSA 3: 257]:

– Yheksän lukon *takuakše* (Калевальский р-н) ‘За девятью замками’ [КЭП 1950: 76]

– Yheksän lukun *takuata* (Калевальский р-н) ‘Пойдем-ка доставать Сампо из-за девяти замков’ [КЭП 1950: 76]

– Še on kuuvven meren *tagana* (Калевальский р-н) ‘Он за шестью морями’ [КЭП 1950: 159].

Перечень послелогов, обозначающих в послеложной конструкции пространственные отношения, достаточно велик, к таким послеложным конструкциям примыкают послеложные конструкции с послелогами *myöte* ‘вдоль, по’, *poikki* ‘через’, *kohti* ‘к’, *korvalla* ‘у’, *ymbärillä* ‘вокруг’ и т. д.

– Läksi hiän kotia *kohti* (Калевальский р-н) ‘Направилась она к дому’ [КЭП 1950: 36]

– Ištuu neidon’*e* koššen *korvalla* (Сегозерский р-н) ‘Сидит девушка у водопада’ [КЭП 1950: 226]

– Millä šoutua šuonie *myöte* (Калевальский р-н) ‘На ней можно плавать *по* жилам’ [КЭП 1950: 39]

– Repo on juoššun tiešta *poikki* (Калевальский р-н) ‘Лисица перебежала дорогу (*через* дорогу)’ [КЭП 1950: 57]

– Yhen kannon *ymbärillä* (Калевальский р-н) ‘Вокруг одного пенька’ [КЭП 1950: 158]

Столь значительное количество послеложных конструкций с пространственным значением можно объяснить тем, что при формировании языковой картины мира древними прибалто-финнами для них важно было более точно определить именно пространство и действие, которое совершается в пространстве.

Следует также отметить, что многие послелого, участвующие в послеложных конструкциях, как в нынешних диалектах карельского языка, так и в текстах традиционных карельских эпических песен обладают несколькими значениями, которые ясны из контекста, напоминая в этом отношении полнозначную лексему с несколькими значениями и, таким образом, свидетельствуя о былой связи с нею.

2. Послелого, указывающие на время

Данная группа послелогов, сочетаясь с именем и входя в глагольное словосочетание, обладает значением времени. В сравнении с предыдущей названная группа относительно невелика. Данные послеложные конструкции отвечают на вопросы: *когда, на какой срок, на сколько времени*, что и определяет их семантику. В эту группу можно отнести следующие послелого:

– Parahan kylvön *aigah*... Parahan toran *aigah*... Parahan bes’odan *aigah*... Parahan voinan *aigah*... (Пряжинский р-н) ‘В самый разгар сева... В самый разгар сражения... В лучшее время вечеринки... Во время большой битвы’ [КЭП 1950: 302]

– Kazvatti häi kaheksatostu vuodeh *sah* (Пряжинский р-н) ‘Растила она их до восемнадцати лет’ [КЭП 1950: 296]

– Ambui päivän *alači*, ambui toizen *piäliči* (Ведлозерский р-н) ‘День стрелял, второй стрелял’ [КЭП 1950: 357] и т. д.

Можно сделать вывод, что наиболее употребительны в традиционных карельских эпических песнях послелого, выражающие пространственно-временные отношения, хотя встречаются также послеложные

конструкции, выражающие и иные значения, например, причинно-следственную связь и другие.

3. Послелогои, указывающие на причинно-следственную связь

К послелогам, основным значением которых в данной конструкции является причина, цель, следствие, назначение, подобие, можно отнести следующие послелогои:

– Se oli seiboi sepon *varah* ‘Этот кол *для* кузнеца’ [АКЕР 2006: 141]

– Tulijoin vierahien *varah* (Пряжинский р-н) ‘*Для* приезжих гостей’ [КЭП 1950: 294]

– Luajin sen minä sih *niškoi*.. ‘Сделал я это *для* того...’ [АКЕР 2006: 254]

4. Послелогои с другими значениями

Иногда достаточно сложно определить значение, которое выражает глагольное словосочетание с послеложной конструкцией, и отнести данную конструкцию в определенную семантическую группу, сформировав тем самым круг групп и их основные значения. К послелогам с основным пространственным, временным или причинно-следственным значением, которые, в свою очередь, вследствие полисемии, обладают и другими значениями, можно отнести, например, *luokse* ‘к, у’ (*куда, к кому*); *kel, ker, kele, kele* ‘с кем-то, с чем-то’ (*в сопровождении кого*); *tugah* ‘по’ (*в соответствии с чем*); *piäle* ‘на’ (дательное значение: направленность действия *на кого-либо*) и т. д.

– Tulou *šikon luokse* (Лоухский р-н) ‘Приезжает к сестре’ [КЭП 1950: 27]

– Mendih kodih neidizen *kel* (Пряжинский р-н) ‘Приехали они домой *с* невестой’ [КЭП 1950: 293]

– Jotta tarvonko tarpehen *mukah?* (Калевальский р-н) ‘Ботать ли так, *как* надо’ [КЭП 1950: 142]

– Ylen suureli Pedri suuttui Suomen *piäl* (Кондопожский р-н) ‘Очень сильно рассердился Петр *на* Суоми’ [КЭП 1950: 252].

При выявлении семантики послеложных конструкций карельских эпических песен обращалось внимание на синонимичность отдельных послелогов, которая связана, прежде всего, с синонимичностью послелогаобразующих основ. Кроме того, синонимичность появляется вследствие различных диалектных вариантов, тем не менее носители языка тонко чувствуют, какой послелог нужно употребить в той или иной ситуации, поскольку выбор его связан напрямую не только с самой послеложной конструкцией, но и с управлением и семантикой глагола. Имя с послелогом очень часто становится зависимым компонентом глагольного словосочетания, функции данных словосочетаний, а также семантико-

синтаксические отношения в модели диктуются лексическими значениями глагола и послелого [Федотова 1990: 85]. Глаголы движения управляют послелогом [Наумова 2006: 21]:

Јор'on šampo šalvattuna pimiäh *on* Pohjolaаhe... yheksän lukun *takuakše* (Калевальский р-н) 'Вот запряжено уже Сампо в темную Похьолу... за девятью замками' [КЭП 1950: 76]

Läkkämmähän šampuo *šuumah...* yheksän lukun *takuata* (Калевальский р-н) 'Пойдем-ка доставать Сампо *из-за* девяти замков' [КЭП 1950: 76]

В первом случае словосочетание выражает действие (процесс), которое *совершается в каком-либо месте*, позади чего-либо, во втором случае образует глагольное словосочетание, выражающее *движение из какого-либо места* [Федотова 1990: 91]. В обоих случаях послелогом управляет глагол.

Aivan kirjokannen *alta piäsi* päivä *paistamaha* (Калевальский р-н) 'Из-под пестрой его крышки вышло солнце, засияло' [КЭП 1950: 40]

Koivun *alla on* ruäši rakšu (Калевальский р-н) 'Под березой – толстая плита' [КЭП 1950: 49]

Pani häi oman kielen *uale* (Пряжинский р-н) 'Положила она их под свой язык' [КЭП 1950: 296]

В первом случае глагольное словосочетание с послелогом выражает исход с какого-либо места, из-под чего-либо, во втором – действие, которое совершается в определенном месте внизу, под чем-либо, в третьем случае – движение, направленное к месту (внизу).

В целом, что касается карельского языка, то в его грамматиках и учебниках послелогом классифицируются чаще всего по грамматическому признаку, т. е. обращается внимание на то, с каким падежом тот или иной послелог употребляется. Думается, что синтаксический уровень и на самом деле должен занимать ведущее место, но в то же время он подчинен семантике и ономаσιологическим (понятийным) принципам группировки значений [Курбьякова 1978: 33]. Именно поэтому послелогом важно и нужно классифицировать также и с семантической точки зрения, в которой просматриваются следы этимологии послелого, его связи с той или иной лексической основой.

Литература

- Калевала 1985 – Калевала / Пер. Л. П. Бельского. Петрозаводск, 1985.
Курбьякова 1978 – Курбьякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978.

КЭП 1950 – Карельские эпические песни / Предисл., подгот. текстов и коммент. В. Я. Евсеева. М.; Л., 1950.

Наумова 2006 – Наумова М. В. Глагольное управление в ливвиковском наречии карельского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2006.

Федотова 1990 – Федотова В. П. Очерк синтаксиса карельского языка. Петрозаводск, 1990.

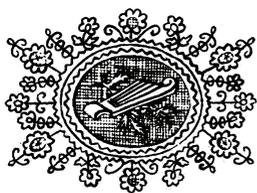
Хайду 1985 – Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.

АКЕР 2006 – Anuksen karjalazien eepizet rajot / Сост. В. П. Миронова. Петрозаводск, 2006.

Saarinen 2005 – Saarinen S. Die Nominalkategorie und das Postpositionssystem der Wolgasprachen // *Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Pars I. Jorshkar-Ola, 2005. S. 161–172.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki: SUS, I – 1955; II – 1958; III – 1962; IV – 1969; V – 1975; VI – 1978; VII – 1981. 2293 с.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: SKS, I – 1992. 486 с.; II – 1995. 470 с.; III – 2000. 503 с.

Н. А. Пеллинен
Петрозаводск

**Севернокарельские колыбельные песни
калевальского размера**

Функция колыбельной песни – усыпление ребенка. Этот жанр фольклора достаточно древен: полагают, что колыбельные возникли уже в Средние века. В колыбельной песне две основные темы: обращение ко сну с просьбой усыпить ребенка и пожелание младенцу счастливой судьбы [Степанова 1991: 86].

В байке нет сказителя в общепринятом фольклористическом смысле слова, как человека, обладающего большой одаренностью, памятью или более обширным знанием фольклорной традиции [Лойтер 2001: 19]. Колыбельную может исполнить даже мать с совершенно неразвитым музыкальным слухом. Суть песни – это первые слова любви и нежности ребенку, поскольку искренне верили, что ребенок понимает